

Н. В. Щедрин*

ПРЕДЕЛЫ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Автор рассматривает предупреждение преступлений как разновидность социального управления, которое включает в себя две группы мер: не связанные с ограничением прав и свобод (стимулирующее предупреждение) и связанные с ограничением прав и свобод граждан (ограничительное предупреждение). В последнюю группу входят правила безопасности и следующие за их нарушением санкции наказания, безопасности и восстановления. Пределы применения предупредительных мер следует обозначать дифференцированно по отношению к каждой из названных групп.

Границы использования и интенсивность стимулирующих мер определяются главным образом наличием у субъекта предупреждения соответствующих ресурсов и желанием профилактируемого принять предложенные услуги и помощь. Другое дело — меры ограничительного предупреждения, применение которых должно быть строго регламентировано по времени, пространству и кругу лиц. Поскольку меры этой группы ограничивают конституционные права и свободы граждан, для их применения нужны минимум четыре основания: социальное, нормативное, фактическое и организационное. Вред, причиняемый предупредительными ограничениями, должен быть меньше, чем вред предотвращаемый. Условия и порядок применения этих мер должны быть предусмотрены в федеральном законе. Для применения правил безопасности требуется наличие юридического факта в виде события или действия, а для применения ограничительных санкций необходим акт применения права. И чем больше предупредительные меры ограничивают права и свободы, тем сложнее должна быть процедура их применения и тем авторитетнее орган, их применяющий.

Четкое обозначение пределов предупредительной деятельности позволяет не ограничивать без нужды конституционные права и свободы граждан, не сковывать творческую активность населения, экономить и правильно распределять ограниченные предупредительные ресурсы.

Автор использовал диалектический, а также системно-структурный, формально-логический и другие методы научного познания.

Ключевые слова: предупреждение, профилактика, преступность, пределы, основания, ограничения, криминализация, правила безопасности, санкции наказания, санкции безопасности, санкции восстановления.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053

Все более и более укрепляюсь во мнении, что перспективы развития криминологического учения о предупреждении преступности связаны с его пониманием в контексте зако-

номерностей социального управления. Хотя эта идея для российской криминологии нова¹, должного признания она до сих пор не получила.

¹ См., например: Раска Э. Э. Борьба с преступностью и социальное управление: теоретические и методологические аспекты. Таллин : Эести раамат, 1985. 215 с. ; Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н.

© Щедрин Н. В., 2018

* Щедрин Николай Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета law@sfu-kras.ru 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

Под этим углом зрения *предупреждение преступлений представляет собой специфическую разновидность социального управления, осуществляемого с целью снижения вероятности особо опасных посягательств на особо охраняемые ценности, для чего субъект, используя комплекс законных мер воздействия, стимулирует включение объекта в общественно полезные отношения и ограничивает его негативные связи.*

Система предупреждения преступности включает в себя управляющую (субъект)

и управляемую (объект) подсистемы, управляющее воздействие (меры), информационные потоки, характеризующие состояние объекта и его изменение (обратная связь), а также ресурсы в виде материально-финансового, организационного, нормативного, информационного, аналитического, пропагандистского, нормативного и кадрового обеспечения. Системообразующим признаком служит цель, для достижения которой, собственно, и создана (предназначена) система предупреждения преступности.

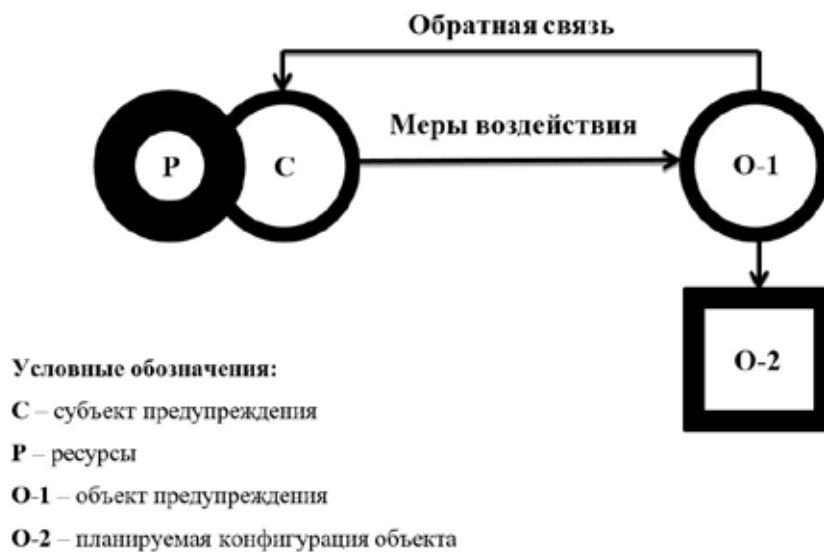

Рис. 1. Система предупреждения преступности

Рассмотрение предупредительной деятельности в контексте социального управления может дать дополнительный импульс развитию криминологии, позволит найти общий язык для коммуникации представителей различных кри-

минологических школ и течений, особенно при разработке теории предупреждения преступности, как бы мы этот процесс ни именовали: *предупреждение*², *противодействие*³, *профилактика*⁴, *воздействие на преступность*⁵,

Преступность как объект управленческого воздействия : учебное пособие. Сыктывкар : Коми республиканская академия госслужбы и управления, 1999. 92 с.

² См.: Теоретические основы предупреждения преступности / под ред. В. К. Звирбуля, В. В. Клочкова, Г. М. Миньковского. М. : Юрид. лит., 1977. С. 30 ; Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. М. : Проспект, 2015. С. 112—125.

³ См.: Шестаков Д. А. Криминология : Новые подходы к преступлению и преступности : учебник. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. С. 246.

⁴ См.: Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений. Горький, 1976. С. 45 ; Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории). Львов : Вища школа, 1976. С. 11 ; Филимонов О. В. Индивидуальная профилактика преступлений. Томск : Томский университет, 1985. С. 5—8 ; Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть : учебное пособие. Красноярск : Горница, 1997. С. 199—200.

⁵ См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность (методологические и теоретические основы) / под ред. П. П. Осипова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. С. 15 ; Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. С. 75—127.

*социальное отрицание преступности*⁶, *разрушающее воздействие на преступность*⁷, *борьба с преступностью*⁸, *контроль преступности*⁹, *управление преступностью*¹⁰, *социальный контроль над преступностью*¹¹, *антикриминальная политика*¹², *криминологическая политика*¹³.

Поскольку в криминологической науке и в нормативных правовых актах, регламентирующих предупредительную деятельность, нет терминологического единства, обязан уточнить, что в настоящей статье в качестве самого широкого термина, обозначающего все типы, виды, формы и методы, имеющие антикриминогенный потенциал, используется термин «предупреждение» и как его аналог — «предупредительная деятельность».

Как уже сказано, основные параметры системы предупреждения преступлений, а также оценка ее эффективности определяется целью. Одно дело, когда ставится неосуществимая цель *искоренения преступности*, другое дело — *антикриминальная безопасность*, то есть поддержание состояния защищенности провозглашенных в конституции ценностей (объектов особой охраны) от наиболее опасных посягательств (источники особой опасности).

В советской, а потом и в российской криминологии традиционно используется деление предупредительных мер на общесоциальные (общие) и специально-криминологические (специальные, криминологические). Основания этого деления я не мог понять со времен

студенчества, в чем неоднократно и публично признавался. В самом деле, какой признак лежит в основе указанной классификации: цель, предназначение, уровень, масштаб, субъект? В разных источниках — разные трактовки. А ознакомившись со статьей В. Д. Ларичева «Общесоциальное предупреждение преступности: миф или реальность», даже обрадовался. Оказывается, не один я такой непонятливый. Василий Дмитриевич ставит вопрос ребром: «Если это не целенаправленная деятельность и если нет субъектов, уполномоченных ее осуществлять, можно ли признать ее видом предупреждения преступлений?»¹⁴

Целеполагание — тот самый системообразующий признак, который позволяет отнести ту или иную деятельность к предупреждению и, соответственно, обозначить круг субъектов системы предупреждения. Еще из школьных учебников мы знаем, что в основе развития человеческой цивилизации лежит разделение труда: собирательство, охота, скотоводство, земледелие, натуральное хозяйство, цеховые гильдии, мануфактура... Но специализация характерна и для социальной сферы, которая сопровождает разделение труда в экономике. И здесь развитие идет через появление и обособление социальных институтов¹⁵, обеспечивающих образование, профессиональную подготовку, развитие физических и интеллектуальных способностей человека, его безопасность. Социологи пишут, что понятие «институт» заимствовано из юридической науки, где оно определяет совокупность правовых

⁶ См.: *Иншаков С. М.* Указ. соч. С. 75—127.

⁷ См.: *Иншаков С. М.* Указ. соч. С. 75—127.

⁸ См.: *Аванесов Г. А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 404—405 ; *Бородин С. В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М. : Наука, 1990. С. 19—20 ; *Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой.* М. : Норма, 2010. С. 425.

⁹ См.: *Шестаков Д. А.* Указ. соч. С. 246.

¹⁰ См.: *Шестаков Д. А.* Указ. соч. С. 246.

¹¹ См.: *Гилинский Я. И.* Криминология : курс лекций. СПб. : Питер, 2002. С. 308.

¹² См.: *Горшенков Г. Н.* Криминология: научные инновации. Н. Новгород : Нижегородский университет, 2009. С. 186.

¹³ См.: *Клейменов М. П.* Криминология : учебник. М. : Норма, 2012. С. 215.

¹⁴ *Ларичев В. Д.* *Общесоциальное предупреждение преступности: миф или реальность // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Лопашенко.* Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2013. С. 548.

¹⁵ В социологии под социальным (общественным) институтом понимается исторически сложившаяся или целенаправленно созданная форма организации совместной жизнедеятельности людей для удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части (см.: *Андреев Ю. П., Коржевская Н. М., Костина Н. Б.* Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск : Уральский университет, 1989. С. 3—15).

норм, регулирующих однородные отношения. Однако в правовой сфере можно выделить не только правовые, но и социальные институты. Параллельно с выделением и специализацией правовых институтов постоянно углубляется разделение труда и самих служителей права. Суд, полиция, уголовно-исполнительная система — примеры постоянно продолжающегося институционального разделения труда.

Вместе с тем общественное разделение труда, наряду с преимуществами, влечет за собой и негативные моменты. Один из них состоит в том, что системы (институты), созданные для достижения той или иной промежуточной цели, закливаются на ней так, что теряют из виду цель вышестоящей системы, в которую они включены.

Для преодоления разобщенности социальных институтов создаются новые, которые призваны кооперировать возможности и координировать усилия уже имеющихся специализированных институтов. Система предупреждения преступности как раз и является тем самым социальным институтом, в рамках которого осуществляется кооперация потенциала других социальных институтов — образования, здравоохранения, социальной работы, правосудия, безопасности.

Подавляющее большинство мер, имеющих криминально-предупредительный эффект, исходит от социальных институтов, которые созданы и предназначены вовсе не для предупредительной деятельности. Предупреждение преступлений для этой группы субъектов — одна из побочных целей. Здоровый, образованный и нравственно воспитанный человек более адаптирован к жизни в обществе, а значит, менее склонен к преступлению, суть которого — конфликт между личностью и обществом. Вряд ли больницу, спортивный клуб, школу, университет можно назвать субъектами предупреждения преступлений, а медицинские и образовательные услуги следует определять как меры предупреждения преступлений. Даже меры, которые на первый взгляд специально предназначены для предупреждения коррупционных преступлений, например обязанность уведомления о конфликте интересов или запрет чиновникам получать подарки, при ближайшем рассмотрении оказываются многофункциональными и могут использоваться для предупреждения

других правонарушений и аморальных злоупотреблений.

Теория социального управления позволяет уточнить круг субъектов предупреждения преступлений. Традиционно в советской и российской криминологии субъектами считали негосударственные формирования и граждан, которые в своей деятельности ставят цель предупреждения. Но статья 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» вывела из состава субъектов не только предупреждения, но и профилактики граждан, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений. В принятом гораздо раньше Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» словосочетание «субъекты профилактики» не используется, а в число структур, которые «входят в систему профилактики» (ст. 4), волонтеры и общественные формирования вообще не включены. Почему?

Одна из рабочих гипотез состоит в том, что разработчики названных законов, похоже, исходили из понимания профилактики как разновидности государственного, а не социального управления. Этот подход вполне вписывается в трактовку социального управления, распространенную в административном праве. Так, по мнению Н. В. Макарейко, «общие черты социального управления состоят в следующем: существует там, где имеет место совместная деятельность людей и их общностей; обеспечивает упорядоченное воздействие на участников совместной деятельности; направлено на достижение определенной управленческой цели; характеризуется наличием субъекта и объекта управления; субъект управления наделяется определенным властным ресурсом; объект управления является подвластным субъектом, сознательно-волевое поведение которого должно изменяться в соответствии с указаниями субъекта; реализуется в рамках определенного механизма»¹⁶. С этих позиций субъектами предупреждения (и профилактики как составной его части) могут быть только органы и лица, наделенные властным ресурсом, а соответственно, объектами предупреждения являются подвластные. Мне кажется, что

¹⁶ Макарейко Н. В. Административное право : краткий курс лекций. М. : Юрайт, 2014. С. 9.

нельзя ставить знак равенства между социальным и государственным управлением. Второе значительно уже и является составной частью первого. Государственные и муниципальные субъекты — хотя и самая значительная, но тем не менее только часть субъектов системы предупреждения преступлений.

Выделение в Законе «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» «субъектов профилактики», «лиц, участвующих в профилактике правонарушений» (ст. 2, 5) — интересная идея.

Но, на мой взгляд, круг субъектов профилактики правонарушений шире, чем описан в ст. 5 Закона. В него должны входить волонтеры и общественные формирования, самоопределившиеся и объединившиеся для содействия лицам и группам криминального риска.

С позиций теории социального управления объектом является не человек, не микро-среда, не социальная группа, а совокупность связей — отношений. «Дойдя до человека, коллектива или общества в целом, управленческий импульс закладывает в них или через них программу развития общественных отношений. Акт же управления совершается только тогда, когда складываются новые, предусмотренные управляющей идеей общественные отношения»¹⁷.

К какой конфигурации общественных отношений должна быть устремлена система противодействия преступности, нам еще предстоит уточнить. Но очевидно, что предупреждение преступности — это двусторонний процесс: прерывание негативных отношений и втягивание профилактируемого в позитивные.

А. В. Малько подчеркивает, что «все виды социального управления можно представить: 1) в виде *со-действия* удовлетворению социально ценных интересов, то есть стимулирования; 2) в виде *противо-действия* удовлетворению интересов антиобщественных, то есть ограничения»¹⁸.

Соответственно, предупреждение преступности предполагает две взаимоувязанные стратегии: стимулирование (в том числе поощрение) бережного отношения к объектам охраны и ограничение вредного влияния источников криминальной опасности. Иными словами,

в предупредительной деятельности логично выделять две основные группы (вида) мер: *стимулирующие* (не связанные с ограничениями) и *ограничивающие* (связанные с ограничениями прав и свобод граждан).

К сожалению, под этим углом зрения предупреждение преступлений в российской криминологии практически не рассматривалось. На мой взгляд, *стимулирующее предупреждение* (которое можно именовать *социальной профилактикой*) — это совокупность социальных услуг, предоставляемых для поддержания физического и психического здоровья, общего и профессионального образования и т.п.

Предоставление такого рода услуг осуществляется государственными и муниципальными органами, учреждениями и предприятиями, а также негосударственными структурами, которые именно для этого созданы и предназначены. В иерархии целей их деятельности «предупреждение правонарушений» — промежуточная или даже побочная цель. Свой вклад в предупреждение правонарушений они вносят через основной вид деятельности, для которого созданы: материальная, психолого-педагогическая и иная социальная помощь. Школа, например, функционирует для того, чтобы оказывать образовательные услуги, а не для того, чтобы заниматься профилактикой преступлений или правонарушений.

В трактовке ст. 2 Закона «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» — это «не субъекты профилактики», а «лица, участвующие в профилактике правонарушений, — граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений» (п. 4), в том числе организации, осуществляющие «социальное обслуживание (предоставление социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-трудовых, социально-правовых и иных социальных услуг)» (п. 5).

Сказанное не означает, что данная группа мер не должна исследоваться в криминологии. Стимулирующее предупреждение имеет выраженный криминально-предупредительный эффект. Криминологи должны отслеживать, как тот или иной вид социальной помощи доходит

¹⁷ Богодухов А. С. К вопросу об объекте управления // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск : Томский университет, 1982. С. 162.

¹⁸ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М. : Юрист, 2005. С. 37.

до групп криминального риска, а также проектировать и создавать специализированные структуры — адаптеры, дополнительные каналы, через которые «общегражданская» социальная помощь будет доводиться до представителей групп риска. Пункт 2 ст. 4 Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусматривает, что в органах, «входящих в систему профилактики», «могут создаваться учреждения, осуществляющие отдельные функции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Например, в Красноярском крае отработывается модель, в соответствии с которой на базе молодежных центров создаются ювенальные службы, в рамках которых кураторы диагностируют ситуацию и для оказания помощи несовершеннолетним и родителям, оказавшимся в социально опасном положении, «подключают» их к услугам разнопрофильных социальных служб.

В криминологии принято выделять специализированные и неспециализированные субъекты предупреждения. «Неспециализированными субъектами являются: общественные и религиозные организации, политические партии и движения, уличные домовые комитеты, товарищества собственников жилья и т.п.»¹⁹.

Но указанные структуры оказывают помощь и услуги всем гражданам. Согласно Закону «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» их следует относить «к лицам, участвующим в профилактике правонарушений». С другой стороны, этот Закон относит к субъектам профилактики такие органы, как федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, большая часть объема деятельности которых явно не специализирована для профилактики правонарушений.

Проблема субъектного состава предупреждения должна быть предметом самостоятельного исследования и отдельной (возможно, следующей) статьи. Склоняюсь к мнению, что в число субъектов профилактики следует включать только те структуры, которые специально созданы и предназначены для работы с правонарушителями или лицами, предрасположенными к совершению правонарушений.

Предупреждение преступлений — многоуровневая система. Меры предупреждения, как, впрочем, и субъекты предупреждения, могут действовать на общем, особом и единичном уровне. На каком-то из уровней их цели различаются, на каком-то совпадают, и только построив «дерево целей», можно более точно определить с кругом субъектов предупредительной деятельности. Парламентские политические партии, участвуя в законопроектной деятельности и в принятии, например, уголовного закона, имеющего общепредупредительный эффект, наверное, являются субъектами. С другой стороны, возможно, такого рода участники предупредительной деятельности являются не субъектами предупреждения, а субъектами ресурсного обеспечения предупредительной деятельности. Но это пока только рабочие гипотезы.

Для понимания предложенной в статье классификации предупреждения на стимулирующее и ограничивающее более важен другой аспект: субъекты социальной профилактики должны осуществлять свою деятельность, не прибегая к ограничительно-принудительным методам. С этих позиций наделение добровольных народных дружин — субъектов социальной профилактики — полномочиями на применение ограничительных мер вряд ли правомерно.

Кроме того, криминологам предстоит разработка принципов и рекомендаций оказания социальных услуг и улучшения социальной помощи группам криминального риска. В этой сфере есть множество теоретико-прикладных задач, которые интересны для криминологии и решение которых полезно для практики. К таковым относится проблема трудоустройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Ведь режим наибольшего благоприятствования для них нарушает принципы социальной справедливости. В условиях безработицы законопослушные граждане не должны находиться в ситуации худшей, чем лица, скомпрометировавшие себя преступлением. Кроме того, предоставление различного рода льгот и привилегий усиливает социальное иждивенчество, что в конечном счете плохо как для общества, так и для самого лица, получающего социальную помощь.

Именно социальная профилактика должна служить стержнем предупреждения преступ-

¹⁹ Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. С. 346—347.

ности. Но, похоже, нынешнему управляющему сословию профилактика, стимулирующая и поддерживающая законопослушный образ жизни, малоинтересна. Ведь она связана с улучшением качества жизни большинства россиян, а не так называемой элиты.

Группу мер, связанную с ограничениями прав и свобод граждан, можно обозначить как *меры ограничительного предупреждения*. Ее субъектами могут быть только государственные и муниципальные структуры, наделенные специальными полномочиями, сотрудники которых имеют специализированную подготовку. Компетенция и алгоритм деятельности указанных субъектов должны быть регламентированы по разрешительному типу правового регулирования. Субъектами ограничительной деятельности являются многие должностные лица и организации, но, как и в случае оказания социальных услуг, субъектами ограничительного предупреждения могут быть только те, чья деятельность направлена на предупреждение преступлений.

Две названные группы мер могут осуществляться на общем, особенном и единичном уровнях. Поэтому вполне правомерно выделение мер общей социальной профилактики, специальной социальной профилактики и индивидуальной социальной профилактики, а также мер общего ограничительного, специального ограничительного и индивидуального ограничительного предупреждения.

Негосударственные формирования (казачество, добровольные народные дружины), как правило, не должны быть субъектами ограничительного предупреждения. Только в некоторых исключительных случаях (частные охранные предприятия) при наличии закона, предусматривающего специализированную подготовку и лицензирование, физические лица и объединения могут в своей деятельности использовать ограничения.

Важнейшая проблема теории и практики предупреждения преступлений — это пределы предупредительной деятельности. В криминологической литературе этот вопрос мало исследован. В 1984 г. в СССР был опубликован перевод книги известного норвежского криминолога Нильса Кристи «Пределы наказания»²⁰. Но с того времени многое изменилось как в теории, так и на практике. Кроме того, на мой взгляд, пределы должны выделяться не только

применительно к наказанию, но и ко всем видам (группам) предупреждения преступлений.

Меры, не связанные с ограничениями прав и свобод граждан, пределов, по сути дела, не имеют. Интенсивность их применения определяется главным образом наличием ресурса и волей лица, принимающего поддержку. Невозможно эффективно оказывать содействие, не имея развитой инфраструктуры для этого. Нельзя осчастливить насильно, помочь вменяемому гражданину против его воли. Ведь он все равно отвергнет эту помощь, а если оказывать ее принудительно, то это уже не помощь, а принуждение.

Гораздо сложнее обозначить пределы для группы мер, связанных с ограничением прав и свобод граждан. Моя страна в очередной раз «наступает на одни и те же грабли» и вновь пытается воплотить уже многократно дискредитированную идею: «Железной рукой загоним сограждан в счастливое будущее».

Количество ограничений, которые используются в том числе в криминально-превентивных целях, множится в геометрической прогрессии: антитеррористические, антикоррупционные, антиалкогольные, антитабачные, антисанкционные, для защиты детей, для защиты верующих, для защиты традиций, для защиты истории...

Лично для меня необходимость ограничений в целях предупреждения девиантного, делинквентного и криминального поведения давно очевидна, за что в эпоху «разгула демократии», который совпал с работой над докторской диссертацией «Меры безопасности как средство предупреждения преступности», был неоднократно «бит». Даже предложения об ограничениях безопасности в отношении лиц, имеющих криминальное прошлое, которые сейчас не только воплощены, но и «ревоплощены», квалифицировались некоторыми критиками как узурпация конституционных прав и свобод.

С начала двухтысячных годов «маятник признания» качнулся в сторону ограничений безопасности. Россиянам, да и не только им, навязана порочная дилемма «или безопасность, или права и свободы граждан», хотя проблема должна решаться диалектически: «и безопасность, и права человека».

Чрезмерные ограничения безопасности сами по себе становятся опасными и причи-

²⁰ См.: Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1984. 176 с.

няют личности и обществу вред больший, чем правонарушения и даже преступления, для защиты от которых они устанавливаются. Сами по себе, без соединения с мерами социальной профилактики, они малоэффективны.

Термин «мера» применительно к предупреждению преступлений чаще всего используется в значении «средство для осуществления чего-н., мероприятие», хотя у него есть и другие толкования — «единица измерения», «граница, предел проявления чего-н.»²¹. Именно благодаря последней трактовке в упомянутой выше монографии и диссертации этому была посвящена специальная глава «Пределы мер безопасности». Как говорили древние, *ne quid nimis* — ничего сверх меры; не нарушай меры; ничего слишком.

Ограничения — не цель, а средство. И так же, как использование мощных антибиотиков для уничтожения болезнетворных организмов оказывает побочное губительное воздействие на полезные, чрезмерное применение ограничений приносит социальному организму больше вреда, чем пользы.

При определенных обстоятельствах запреты являются криминогенным (девиантогенным) фактором²², «обилие правил лишь увеличивает вероятность их нарушения»²³.

Избыточные запреты и обязанности необоснованно ограничивают свободу, необходимую для творчества во всех сферах. Они сковывают созидательную активность. Чрезмерными ограничениями во внешнюю и внутреннюю эмиграцию выдавливаются наиболее креативные слои российского населения, без которых вряд ли возможно обеспечить процветание страны. А во-вторых, для реализации ограничений требуются огромные ресурсы, которые целесообразно тратить на повышение качества жизни людей, низкий уровень которого собственно и продуцирует делинквентность и преступность.

Процесс введения тех или иных ограничений в настоящее время напоминает шаманские камлания и, к сожалению, не имеет под собой основательной научной базы. Научное

обоснование различного рода запретов должно стать обязательным разделом таких наук, как девиантология (наука об отклоняющемся поведении), деликтология (наука о правонарушающем поведении) и криминология (наука о преступном поведении). Но в силу ряда объективных и субъективных причин эти науки находятся в детском или чрезвычайно затянувшимся юношеском возрасте.

Впрочем, хотя алгоритмы девиантологизации, деликтологизации и криминализации пока не доведены до прикладного уровня, достижения в этом направлении есть. Прежде всего в теории криминализации-декриминализации, в рамках которой стараниями Г. А. Злобина, С. Г. Келиной, И. В. Лозинского, Н. А. Лопашенко, А. И. Коробеева, В. Н. Кудрявцева, В. И. Плохой, Л. М. Прокументова, П. А. Фефелова, В. Д. Филимонова, А. В. Шеслера и ряда других авторов выработаны общие рекомендации перевода общественно опасного деяния в ранг преступного. Надо двигаться дальше, детализировать эти рекомендации и делать их обязательными для правотворцев.

Любая правовая норма состоит как минимум из диспозиции и санкции. В диспозициях сформулированы правила поведения. Их можно разделить на технологические правила и правила безопасности²⁴. Предупредительные ограничения относятся именно к последнему виду. Формулируя правила безопасности, очень важно правильно определить объект охраны и источник опасности. Объекты охраны — это ценности и принципы, которые создают каркас общественной системы и государственного устройства. Они обозначены в Конституции РФ. В юридической логике их нужно градуировать на объекты охраны, объекты повышенной охраны и объекты особой охраны. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью является человек, его права и свободы.

Источники опасности — это объекты, деятельность и субъекты этой деятельности, от которых исходит повышенная вероятность причинения вреда объектам охраны. Они также

²¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1990. С. 349.

²² См.: Гилинский Я. И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302—311.

²³ Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. С. 347.

²⁴ См.: Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М. : Юрид. лит., 1995. С. 24—25.

должны быть градуированы: источники опасности, источники повышенной опасности и источники особой опасности. Соответствующим образом должны быть классифицированы и правила безопасности.

Один из типичных просчетов современного периода состоит в том, что правила особой или повышенной безопасности устанавливаются по поводу объектов охраны, ранг которых искусственно завышается (чувства верующих) и,

наоборот, правила не устанавливаются в отношении по-настоящему важных объектов охраны (принцип разделения властей). В итоге это приводит к необоснованному ограничению прав и свобод граждан и, соответственно, к неоптимальному расходованию и без того ограниченных правоохранительных ресурсов.

За нарушение правил безопасности устанавливаются санкции безопасности, восстановления и наказания (см. рис. 2).

Рис. 2. Соотношение правил безопасности и санкций за их нарушение

Представляется, что пределы должны устанавливаться как по отношению к правилам, так и по отношению к каждому из видов санкций. В нашей интерпретации негативная девиантолизация²⁵ — это установление правил безопасности (диспозиции социальных норм и норм частного права), деликтолизация — установление правил повышенной безопасности (диспозиции норм публичного права), криминализация — установление правил особой безопасности (диспозиции норм уголовного права).

Применительно к законопроектному и законодательному установлению вида и размера наказания уже прижился термин «пенализация». Предлагаю коллегам для обозначения процесса установления санкций безопасности

обсудить возможности использования термина «секьюритизация», а для установления восстановительных санкций — «ресторативизация». Не стану возражать, если кто-то предложит другие, более удобные для русского языка термины.

Обозначая пределы ограничительных мер, следует выделить три вектора движения: 1) установление границ по времени, пространству и кругу лиц; 2) формулировка оснований применения; 3) установление надлежащей процедуры применения.

Первый вектор в законопроектной деятельности в основном реализуется, хотя и не гладко. В частности, много неясностей возникает в связи с установлением пространственного и временного пределов правового режима

²⁵ Как известно, девиантное (отклоняющееся) поведение может быть позитивно отклоняющимся и негативно отклоняющимся. Определение отклонений как негативных в моем понимании и есть негативная девиантолизация.

контртеррористических операций. Остро стоит проблема критериев общественной опасности лиц, к которым следует применять различного рода предупредительные ограничения.

Второй вектор предполагает определение четырех уровней оснований для введения и применения предупредительных ограничений: социальное, нормативное, фактическое и организационное. Особенно наглядно необходимость такого подхода просматривается применительно к мерам антикриминальной безопасности.

Социальное основание ограничений безопасности образует необходимость пресечения вредного влияния источника опасности либо ограждения объекта охраны от вредного воздействия источников опасности посредством ограничения прав и свобод личности. Источник опасности должен быть реальным, а объект охраны — подлинной общественной ценностью. Вред, вынужденно причиняемый личности, являющейся источником опасности, либо третьим лицам, должен быть меньше предотвращаемого вреда. В основе соразмерения причиняемого и предотвращаемого вреда должны лежать те же правила, которые используются при оценке ситуаций крайней необходимости или необходимой обороны.

Для того чтобы принять норму, разрешающую использование мер безопасности, нужно соразмерить вред, реально причиняемый ограничениями безопасности, и реальные возможности предотвращения такого вреда посредством ограничений. Сделать это непросто, потому как тот и другой могут быть разнохарактерными, к тому же криминология пока не выработала алгоритма соразмерения. Однако есть еще и здравый смысл, которым необходимо руководствоваться. Хотя бы иногда.

Должностные лица ОАО РЖД давно пытаются внедрить досмотр пассажиров железнодорожного транспорта и их багажа. 1 апреля 2013 г. была предпринята попытка апробировать досмотр в пилотном режиме на 32 вокзальных комплексах, на что потрачено около 1,5 млрд руб. из федеральных и акционерных средств. Но в чем смысл такого досмотра, если взрывное устройство может быть заложено на любом из перегонов огромной сети российских железных дорог? А как быть с пассажирами электричек, которые прибывают на главные вокзалы с десятков тысяч полустанков, на которых досмотр невозможно организовать?

Аналитических материалов о том, чем закончился очередной эксперимент над россиянами, мне найти не удалось. Предполагаю, что деньги налогоплательщиков и пассажиров «освоены», но никаких дополнительных гарантий для обеспечения безопасности эти затратные нововведения не дали. Досмотр пассажиров железнодорожного транспорта использовался в период проведения чемпионата мира по футболу. Надеюсь, что когда-нибудь будет опубликована статистика, какое количество запрещенных в гражданском обороте предметов изъято и какое количество преступлений и правонарушений предотвращено подобным образом. Уверен, что анализ через призму категорий «издержки — польза» позволит нам в очередной раз констатировать: «Гора родила мышь».

Много вопросов вызывает применение государственных охранных мероприятий. По моим наблюдениям, меры государственной охраны необоснованно применяются в отношении должностных лиц и даже представителей религиозных организаций, которые не включены в перечень, предусмотренный ст. 8 Федерального закона «О государственной охране»²⁶. Более того, охранные мероприятия осуществляются в более широком, чем это необходимо, пространственном и временном масштабе, несоразмерно стесняя свободы законопослушных граждан и «сжигая» без пользы деньги налогоплательщиков.

Для применения ограничений в предупредительной деятельности необходимы *нормативные основания*, то есть международно-правовые акты, Конституция РФ и федеральные законы, предусматривающие использование ограничений безопасности. Возможность их использования согласуется с п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав и свобод человека, которым предусматривается возможность ограничений «исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Хотя Конституция РФ прямо предусматривает применение ограничений лишь в условиях чрезвычайного положения (ст. 56), возможность их использования вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом

²⁶ Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.

только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Как следует из Конституции, применение предупредительных мер, ограничивающих конституционные права и свободы, возможно только при наличии соответствующего федерального закона, в котором конкретизируются основания, условия и порядок применения правил безопасности.

В статье 7 Закона «О безопасности» 1992 г.²⁷ было предусмотрено: «При обеспечении безопасности не допускается ограничение прав и свобод граждан, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Граждане, общественные и иные организации и объединения имеют право получать разъяснения по поводу ограничения их прав и свобод от органов, обеспечивающих безопасность. По их требованию такие разъяснения даются в письменной форме в установленные законодательством сроки.

Должностные лица, превысившие свои полномочия в процессе деятельности по обеспечению безопасности, несут ответственность в соответствии с законодательством».

Но эта замечательная формулировка не была воспроизведена в новом Законе «О безопасности»²⁸. Почему?

Подмена федерального закона в сфере ограничения прав и свобод граждан ведомственными инструкциями и приказами недопустима и неконституционна, какими бы благими намерениями это ни обосновывалось. В этой связи, например, вызывает сомнение правомерность указания заместителя министра путей сообщения РФ от 26 мая 1995 г. № К-419у «О порядке оформления проездных документов с указанием фамилии пассажира»²⁹. В приказе, адресованном подчиненным заместителя министра, в целях «предупреждения правонарушений, связанных с продажей проездных документов» ущемляются права пассажиров.

Министерство юстиции РФ 15 июня 1995 г. зарегистрировало это указание, но если и даль-

ше двигаться в этом направлении, то через некоторое время «в целях обеспечения безопасности» по приказу владельца магазина, театра, стадиона, туалета или маршрутного автобуса мы должны будем предъявлять паспорт и получать именной билет. Спрашивается, как обеспечивает нашу безопасность наличие паспорта в данном случае? Кстати, в большинстве европейских стран при покупке железнодорожного билета предъявление паспорта не требуется. Похоже, что безопасность на железнодорожном транспорте этих государств от этого не страдает.

Фактическим основанием применения предупредительных ограничений следует считать юридические факты, с наличием которых закон связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений безопасности. Согласно общей теории права таковыми могут быть: события и действия.

События, лежащие в основании предупредительных ограничений, — это природные явления, стихийные или иные бедствия, аварии, катастрофы, массовые беспорядки, межнациональные конфликты, которые создают опасность для жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Для иллюстрации сказанного можно сослаться на ст. 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»³⁰, в которой в качестве обстоятельств (в нашей трактовке — оснований) введения чрезвычайного положения указаны: «чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ».

Действия могут быть правомерными и неправомерными. Правомерные действия слу-

²⁷ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

²⁸ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. — Ст. 2.

²⁹ Указание МПС РФ от 26 мая 1995 г. № К-419у «О порядке оформления проездных документов с указанием фамилии пассажира» // Российские вести. 1995. 22 июня.

³⁰ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

жат основаниями для правоограничений, если гражданин вступает в сферу отношений, где установлен особый режим безопасности, например, поселяется в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО), или становится авиапассажиром, или избирает работу, связанную с государственными секретами.

В тех случаях, когда источник криминальной опасности — свойство самого человека, материальными основаниями служат противоправные действия, в которых объективируется общественная опасность личности. Таковы, например, основания принудительных мер медицинского характера, административного надзора и других специальных обязанностей и запретов для предупреждения рецидива преступлений.

Фактическое основание применения мер безопасности может быть сложносоставным, то есть включать в себя несколько юридических фактов. Например, для применения административного надзора в качестве оснований одновременно выступают: «осуждение к лишению свободы за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления», «злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания» и «освобождение из мест лишения свободы».

Фактическое основание имеет особо важное значение для применения санкций безопасности и наказания. Мы должны исходить из презумпции отсутствия общественной опасности личности до тех пор, пока человек не выразил ее противоправным действием или деятельностью.

Организационным основанием служит акт применения права, в котором соотносятся фактическое и юридическое основания, осуществляется юридическая квалификация, определяется характер и степень опасности и в

рамках, установленных нормативным основанием, индивидуализируются предупредительные ограничения.

Организационными основаниями могут быть, например, определение о применении административного надзора, указ о введении чрезвычайного положения. Особым видом организационного основания является договор: покупка авиабилета, автомобиля, оружия, заключение трудового договора, оформление допуска к государственной тайне и т.п.

Выделенные уровни оснований имеют значение на разных стадиях использования предупредительных мер ограничительного характера: социальное — для законотворчества, нормативное и фактическое — для назначения ограничительных мер, а организационное — для их исполнения.

Серьезный барьер против злоупотребления предупредительными ограничениями — установление надлежащей *процедуры* их назначения и исполнения. Чем ощутимее установленное правило ограничивает права и свободы личности, тем более авторитетным должен быть орган, принимающий решение о установлении и применении процедуры, и тем больше гарантий от произвола должна предусматривать процедура. Исключение можно сделать только для применения неотложных мер безопасности (контртеррористические меры). Но и в этом случае постфактум обязательно должна проводиться тщательная (прокурорская, судебная, парламентская) проверка их обоснованности.

Предвижу, что некоторые положения статьи могут вызвать у коллег возражения. Буду рад обоснованной критике, которую с недавнего времени стал даже любить. Критика заставляет либо пересматривать свои взгляды, либо, наоборот, усиливать аргументы. А также повышает индекс цитирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. — М., 1980. — 528 с.
2. Андреев Ю. П., Коржевская Н. М., Костина Н. Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. — Свердловск : Уральский университет, 1989. — 84 с.
3. Богодухов А. С. К вопросу об объекте управления // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. — Томск : Томский университет, 1982. — С. 159—166.
4. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М. : Наука, 1990. — 272 с.
5. Гилинский Я. И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. — 2009. — № 3. — С. 302—311.

6. Гилинский Я. И. Криминология : курс лекций. — СПб. : Питер, 2002. — 384 с.
7. Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Преступность как объект управленческого воздействия : учебное пособие. — Сыктывкар : Коми республиканская академия госслужбы и управления, 1999. — 92 с.
8. Горшенков Г. Н. Криминология: научные инновации. — Н. Новгород : Нижегородский университет, 2009. — 212 с.
9. Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории). — Львов : Вища школа, 1976. — 194 с.
10. Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений. — Горький, 1976. — 91 с.
11. Иншаков С. М. Криминология : учебник.— М. : Юриспруденция, 2000. — 427 с.
12. Клейменов М. П. Криминология : учебник. — М. : Норма, 2012. — 400 с.
13. Комплексное изучение системы воздействия на преступность (методологические и теоретические основы) / под ред. П. П. Осипова. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. — 150 с.
14. Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. — М. : Проспект, 2015. — 368 с.
15. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. — М. : Норма, 2010. — 1008 с.
16. Кристи Н. Пределы наказания. — М. : Прогресс, 1984. — 176 с.
17. Ларичев В. Д. Общесоциальное предупреждение преступности: миф или реальность // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2013. — С. 543—548.
18. Макарейко Н. В. Административное право : краткий курс лекций. — М. : Юрайт, 2014. — 212 с.
19. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. — М. : Юристъ, 2005. — 250 с.
20. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть : учебное пособие. — Красноярск : Горница, 1997. — 256 с.
21. Раска Э. Э. Борьба с преступностью и социальное управление: теоретические и методологические аспекты. — Таллин : Эсти раамат, 1985. — 215 с.
22. Теоретические основы предупреждения преступности / под ред. В. К. Звирбуля, В. В. Клочкова, Г. М. Миньковского. — М. : Юрид. лит., 1977. — 256 с.
23. Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. — М. : Юрид. лит., 1995. — 176 с.
24. Филимонов О. В. Индивидуальная профилактика преступлений. — Томск : Томский университет, 1985. — 118 с.
25. Шестаков Д. А. Криминология : Новые подходы к преступлению и преступности : учебник. — СПб. : Юридический Центр-Пресс, 2006. — 561 с.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

LIMITS OF PREVENTIVE ACTIVITY

SHCHEDRIN Nikolay Vasilevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Delictology and Criminology of the Law Institute of the Siberian Federal University
law@sfu-kras.ru
660041, Russia, Krasnoyarsk, pr. Svobodnyi, d. 79

Abstract. *The author considers prevention of crimes as a form of social administration that includes two groups of measures: the measures not associated with the limitation of rights and freedoms (stimulating warning) and the measures related to the restriction of citizens' rights and freedoms (restrictive warning). The last group includes safety rules and the sanctions that are imposed for their violation, enforcement and restoration. The limits of application of precautionary measures should be differentiated in relation to each of the groups mentioned. The limits of application and the intensity of stimulating measures are mainly determined by the availability of resources to the person subjected to the application of such measures and the desire of the person subjected to prevention to accept the services and assistance offered. Measures of restrictive warning, the application of which must be strictly regulated in compliance with the time, space and circle of persons, is a different story. As the measures of this group restrict constitutional rights and freedoms of citizens, at least four grounds are needed*

for their application: social, normative, factual and organizational. Harm caused by preventive restrictions shall be less than the harm prevented. The conditions and procedure for the application of these measures should be provided for in the federal law. For the application of security rules, a legal fact is required in the form of an event or action, and for application of restrictive sanctions an act of application of the right is needed. And the more precautionary measures restrict rights and freedoms, the more complicated the procedure for their application and the more authoritative the body that applies them should be.

A clear designation of the limits of preventive activities makes it possible not to limit the constitutional rights and freedoms of citizens unnecessarily, not to impede the creative activity of the population, and to save and to properly allocate limited preventive resources.

The author applied dialectical, as well as system-structural, formal-logical and other methods of scientific cognition.

Keywords: *Deterrence, prevention, crime, limits, grounds, restrictions, criminalization, security rules, sanctions of punishment, security sanctions, recovery sanctions.*

REFERENCES

1. Avanesov G.A. Kriminologiya i sotsialnaya profilaktika [Criminology and Social Prevention]. Moscow, 1980. 528 p.
2. Andreev Yu. P., Korzhevskaya N.M., Kostina N.B. Sotsialnye instituty: sodержanie, funktsii, struktura [Social Institutions: content, functions, structure]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1989. 84 p.
3. Bogodukhov A.S. K voprosu ob obekte upravleniya [On the issue of the object of administration]. Problemy sovershenstvovaniya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [Problems of improving civil law regulation]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1982. P. 159—166.
4. Borodin S.V. Borba s prestupnostyu: teoreticheskaya model kompleksnoy programmy [Fighting crime: A theoretical model of a complex program. Moscow, Nauka Publ., 1990. 272 p.
5. Gilinsky Ya.I. Zapret kak kriminogennyi (deviantogennyi) faktor [Prohibition as a criminogenic (deviantogenic) factor]. Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad [Russian criminological outlook]. 2009. No. 3. P. 302—311.
6. Gilinsky Ya.I. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebник [Criminology: New Approaches to Crimes and Criminality]. St. Petersburg. Piter Publ., 2002. 384 p.
7. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.G., Gorshenkov G.N. Prestupnost kak objekt upravlencheskogo vozdeystviya : uchebnoe posobie [Crime as an Object of Administrative Impact: A study-guide]. Syktyvkar. Komi Republican Academy of Civil Service and Administration Publ., 1999. 92 p.
8. Gorshenkov G.N. Kriminologiya: nauchye innovatsii [Criminology: scientific innovations]. N. Novgorod. Nizhny Novgorod University Publ., 2009. 212 p.
9. Zhalinsky A.E. Spetsialnoe preduprezhdenie prestupleniy v SSSR (voprosy teorii) [Special prevention of crimes in the USSR (theory issues). Lviv. Vishche shkola Publ., 1976. 194 c.
10. Igoshev K. Ye. Sotsialnyy kontrol i profilaktika prestupleniy [Social control and crime prevention]. Gorky, 1976. 91 p.
11. Inshakov S.M. Kriminologiya: uchebник [Criminology: A Textbook . Moscow. Yurisprudentsiya Publ., 2000. 427 p.
12. Kleimenov M. P. Kriminologiya: uchebник [Criminology: A Textbook . Moscow. Norma Publ., 2012. 400 p.
13. Kompleksnoe izuchenie sistemy vozdeystviya na prestupnost (metodologicheskie i teoreticheskie osnovy) [Comprehensive study of the system of impact on crime (methodological and theoretical grounds)]. P. P. Osipov (ed.). Leningrad. LSU Publ., 1978. 150 p.
14. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebник [Criminology: V. E. Eminov (ed.). Moscow. Prospect Publ., 2015. 368 p.
15. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebник [Criminology: A. I. Dolgova (ed.). Moscow. Norma Publ., 2010. 1008 p.
16. Kristi N. Predely nakazaniya [Limits of punishment]. Moscow. Progress Publ., 1984. 176 p.
17. Larichev V.D. Obshchesotsialnoe preduprezhdenie prestupnosti: mif i realnost [General social crime prevention: a myth or reality]. Prestupnost, ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon : sb. nauch. trudov

- Criminality, criminal policy, criminal law: col. of sci. works]. N. A. Lopashenko (ed.). Saratov. Saratov State Law Academy Publishing House. 2013. P. 543—548.
18. Makareiko N.V. *Administrativnoe pravo: kratkii kurs leksii* [Administrative Law : A Short Course of Lectures. Moscow. Yurayt Publ., 2014. 212 p.
 19. Malko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and restrictions in law]. Moscow. Yurist Publ., 2005. 250 p.
 20. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Kriminologiya: obshchaya chast: uchebnoe posobie* [Criminology: A General Part: A Study Guide]. Krasnoyarsk. Gornitsa Publ., 1997. 256 p.
 21. Ruska E.E. *Borba s prestupnostyu i sotsialnoe upravlenie: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty* [Fighting crime and social administration: theoretical and methodological aspects]. Tallinn. Esti raamat Publ., 1985. 215 p.
 22. *Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti* [Theoretical basis of crime prevention]. V. K. Zvirbul, V. V. Klochkov, G. M. Minkovsky (eds.). Moscow. Yuridicheskaya literatura Publ., 1977. 256 p.
 23. Ter-Akopov A.A. *Otvetstvennost za narushenie spetsialnykh pravil povedeniya* [Responsibility for violation of special rules of conduct]. Moscow. Yuridicheskaya literatura Publ., 1995. 176 p.
 24. Filimonov O.V. *Individualnaya profilaktika prestupleniy* [Individual crime prevention]. Tomsk. Tomsk University publ., 1985. 118 p.
 25. Shestakov D.A. *Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti : uchebnik* [Criminology: New approaches to a wrong and crime : A Textbook]. St. Petersburg. Yuridicheskii Tsentri-Press, 2006. 561 p.